

Ши Чу говорил, не поднимая головы, и Цинь Юй мог лишь смотреть на макушку его головы, на завиток волос. Он понял, что Ши Чу пытается показать свою слабость.

Более полумесяца назад, когда он заметил, как Ши Чу сам собирает свои вещи, он также, как и сейчас, пытался создать видимость спокойствия, спрашивая, не хочет ли он во время отпуска выбрать украшения, чтобы заполнить пустые полки. На самом деле, он не был заинтересован в таких вещах, но в тот момент он почувствовал, что Ши Чу хочет уйти, и потому решил создать иллюзию мирной обстановки.

Это не было его стилем общения. Вместо этого он предпочел бы прямо спросить: «Почему ты продаешь книги? Почему ты собираешь вещи? Ты хочешь уйти?»

Но он не решился, боясь, что, если надавит слишком сильно, получит нежелательный ответ.

Неожиданно, всего через две недели, эти слова произнес кто-то другой.

В тот день Ши Чу снова ушел от ответа, переведя тему, но Цинь Юю никогда не нравился такой стиль общения, и на этот раз он прямо сказал Ши Чу:

— Больше такого не будет.

Человек перед ним все еще не поднимал головы, но движение его руки, размешивающей кофе, внезапно остановилось, а затем продолжилось с явной попыткой скрыть напряжение.

— Если ты... — наконец произнес Ши Чу.

Но его голос звучал слишком сухо, и он тут же кашлянул, чтобы немного восстановиться, прежде чем продолжить:

— Если у тебя остались какие-то недоразумения насчет меня и Цзян Хаояня...

Цинь Юй прервал его:

— Ши Чу, подними голову и посмотри на меня.

Ши Чу не пошевелился, но кончики его пальцев, сжимающих ложку, начали бледнеть.

— Это не имеет отношения к Цзян Хаояню. Я знаю, что между вами ничего нет. В тот день он действительно сказал мне что-то, что меня разозлило, но это не было беспочвенным. Даже если бы в тот день не было того звонка, ситуация не изменилась бы. Ты понимаешь? Ты сказал, что дождешься меня, но, когда я вернулся, тебя не было. Я понимаю, что ты занят в университете, и знаю, что ты мог временно не видеть сообщений, но целых два дня ты полностью исчез, не заботясь о том, как я переживаю.

— У меня сел телефон, и я не взял зарядку...

— Неважно, тебе не нужно объясняться. Сейчас в этом нет необходимости. Я просто говорю тебе, что думаю.

Цинь Юй говорил без агрессии, его речь была размеренной, как будто он излагал факты, и даже звучала мягко, но сердце Ши Чу ушло вниз.

Когда он работал в лаборатории, он сталкивался с различными результатами экспериментов, но каждый из них имел свои причины. Возможно, где-то был неправильно задан параметр, или

переменная не была точно контролируема... Но в любом случае всегда можно было найти причину.

И он нашел причину в Цзян Хаояне, думая, что именно это стало спусковым крючком для слов Цинь Юя о расставании. Он решил, что, решив эту проблему, возможно, сможет вернуть Цинь Юя... Он не думал дальше, но в глубине души верил, что, как и раньше, Цинь Юй сам придет к нему. В этот раз он даже сам пошел к Цзян Хаояню, чтобы решить проблему, и Цинь Юй должен был поступить, как всегда, но теперь все выглядело иначе.

Его пальцы сжимали ложку слишком сильно, они побелели, и ложка начала дрожать, ударяясь о край чашки с легким звоном. Ши Чу разжал руку и с некоторой растерянностью полез в карман за телефоном. Прежде чем достать его, он произнес:

— Я вдруг вспомнил, что у меня, кажется, есть дела...

Цинь Юй прервал его в третий раз:

— У тебя нет дел. Ты забыл, что сам написал в сообщении, что у тебя свободный день, когда принес одежду. Ши Чу, хватит избегать. Уже такой результат. Возможно, это последний раз, когда мы так сидим и разговариваем. Послушай меня.

Ши Чу наконец замолчал, но все еще не поднимал головы.

— Это не имеет отношения к другим людям. Каждый раз, когда ты не хотел со мной разговаривать, находил отговорки, чтобы уйти, или просто игнорировал меня несколько дней или недель, я говорил себе, что нужно быть терпеливым, что, возможно, ты просто от природы замкнут, что ты не привык к таким ситуациям, и что однажды все наладится. Но потом я понял, что это бесполезно. Каждый раз, когда у нас возникали разногласия, в итоге я уступал. Ты действительно думаешь, что каждый раз был прав? Я уступал много раз, но я же не робот, я тоже устаю.

— Ты правильно сказал, что не нужно заниматься любовью 24 часа в сутки, но когда я устаю на работе, мне все равно приходится думать о том, что с тобой происходит, почему ты не пишешь. Это и есть 24 часа любви. Я не хочу, чтобы, уже будучи настолько уставшим, я еще и пытался понять, что с тобой происходит.

Ши Чу не поднимал головы, потому что его глаза начали неконтролируемо слезиться. На самом деле, он не плакал перед другими с начальной школы, потому что в детстве, если он плакал, мама считала его слабым и била, выгоняя из дома без ужина. Со временем он привык, что, прежде чем слезы упадут, нужно прикусить язык или поцарапать руку чем-нибудь, чтобы боль отвлекла внимание и слезы не текли.

На самом деле, его слезные железы довольно активны, но, возможно, под влиянием матери, он тоже считал, что плакать перед другими — это позор.

Сейчас он все время прикусывал язык, и только теперь, когда хотел что-то сказать, почувствовал во рту привкус железа, но, по крайней мере, слезы удалось сдержать.

Он старался выглядеть спокойным, но легкая дрожь в голосе выдавала его эмоциональное состояние:

— Тебе не нужно все время думать обо мне. Ты можешь заниматься своими делами. Почему ты должен думать о том, что со мной?

Цинь Юй сменил тему:

— Тогда я спрошу тебя: ты знаешь, почему я последнее время редко бываю домой? Почему, когда ты уехал на Северо-Запад на два месяца, у меня даже не было времени покормить кота?

Ши Чу хотел сказать, что это из-за работы. Но слова застряли на языке. Это было очевидно. Он попытался вспомнить и нашел только слова Старины Яна: «У Цинь Юя в компании возникли проблемы». Но какие именно проблемы, он не знал.

Цинь Юй, видя, что он молчит, слегка улыбнулся, с выражением, которое говорило: «Я так и думал».

— Ты не знаешь, да? Но я знаю о тебе. Я знаю, что ты уехал на Северо-Запад, чтобы работать с преподавателем над коммерческим проектом с университетом. Я знаю, что в том городе сухой воздух и редко идут дожди. Я также знаю, что, если бы я сказал тебе купить увлажнитель, ты бы не стал этим заниматься, поэтому я положил мини-увлажнитель в твой чемодан. Кроме этого, я знаю, что перед отъездом на Северо-Запад ты каждый день ходил в институт, поэтому утром приносил мне еду. Я боялся, что это тебя утомит, и попросил ассистента сказать, что я не буду есть, чтобы ты не приходил каждый день. И многое другое. Хочешь продолжать?

С каждым словом лицо Ши Чу становилось все бледнее. У него было много подозрений относительно внезапного охлаждения Цинь Юя, но единственное, в чем он не должен был сомневаться, — это в том, что Цинь Юй искренне любил его.

Но разве любовь должна быть такой? Разве он не боится, что, отдавая слишком много, не получит ничего взамен?

Ши Чу сказал:

— Но я не просил тебя узнавать все это.

Цинь Юй откинулся на спинку стула:

— В этом и заключается наша проблема.

— Я хочу знать все о тебе. Видя, что тебе плохо, я не могу не думать о том, что с тобой, и хочу, чтобы ты был счастлив. Когда ты долго не отвечаешь на мои сообщения, кроме злости, я больше переживаю и боюсь, что с тобой что-то случилось. Но ты не думаешь так.

Здесь голос Цинь Юя наконец дрогнул. Он это заметил и замолчал на мгновение, прежде чем продолжить:

— Я думаю, что любить кого-то — это именно так. Но ты так не считаешь. Ты всегда говоришь, что в отношениях люди должны быть независимыми, иметь свое пространство. Я согласен с этим, но это не противоречит тому, что я говорю. Я не вмешиваюсь в твою жизнь, не принимаю решения за тебя, но это не значит, что мне все равно. Ши Чу, равнодушие и рациональность — это совершенно разные вещи.

Тут Ши Чу наконец понял, что имел в виду Старина Ян, когда говорил, что Цинь Юй не такой, как ты думаешь, он более зрелый.

Ши Чу не знал, что Цинь Юй думал обо всем этом.

<http://bllate.org/book/16893/1566455>